

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Французский экзистенциализм

Мы с вами продолжаем говорить о четвёртой части учебника сэра Энтони Кенни «Современная философия или философия в современном мире». Ранее мы с вами затрагивали таких экзистенциалистов, как Николай Бердяев, Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс. Это представители русского и немецкого экзистенциализма. На этот раз речь пойдет о французском экзистенциализме на примере Жана Поля Сартра и Альбера Камю. Вообще, экзистенциализм – явление международное, интернациональное. Именно поэтому внутри он подразделяется на разные течения. К примеру, есть экзистенциализм испанский. Это, в частности, философия Мигеля де Унамуно. О нем не так много говорят, потому как центральное место в этом направлении философии занимают все-таки французы и немцы.

Если говорить о сути того, что собой представлял французский экзистенциализм, то в первую очередь я бы сказал так: Жан Поль Сартр и Альбер Камю – это не только философы. Точнее – они не столько философы, сколько писатели. Они блестяще владеют словом. Их литературные произведения являются той самой формой, в которой выражался экзистенциализм. Оба мыслителя – и Жан-Поль Сартр, и Альбер Камю – стали в свое время лауреатами Нобелевской премии по литературе. Их произведения были высоко оценены в литературно-интеллектуальном сообществе. И это неудивительно. Дело в том, что первым постулатом французского экзистенциализма является теория познания. Философов этого течения не интересует мир, который является предметом исследования науки. Поэтому, в этой философии нет гносеологии, эпистемологии. А что же есть? Есть описание и исследования переживаний человека. Переживание своей судьбы, своей участи. Если же брать хрестоматийное выражение, идущее от Паскаля, то как пример можно взять картину Рене Магритта «Удел человеческий». То, что выражено на ней, и есть главная тема в экзистенциальной философии. Если же мы обратимся к классическому рационализму, который был у Декарта и Гегеля, то увидим такие рациональные понятия, как субстанция, протяженность, атрибут, модус. Это категории философии «возможное», «действительное», «необходимость», «случайность». И такими экзистенциалами являются, например, конечность, свобода, вина, тревога, ответственность, страх. Одним словом, это то, что похоже на те психологические состояния, которые переживает человек. Но при этом они лишены психологизма и имеют гораздо более глубокое основание и философское содержание.

На примере экзистенциализма Жана-Поля Сартра и Альбера Камю в этой философии мы имеем ярчайший образец того, что называется философией вне философских форм. Это характерно для всего XX века. Потому что именно в это время и до сих пор происходит изменение формы и подачи философских идей. Если взять ту же классическую философию, которой был присущ рационализм, то мы столкнёмся с такой формой как философский трактат. Главные произведения рационалистов Вальтера, Дидро, Руссо – это рассуждения о методе Декарта, науке логики Гегеля. Это философские трактаты, которые строятся по модели научного исследования, но при этом имеют уже философское содержание. Такая текстовая, научная, рациональная форма была характерна для всей традиционной философии. Что мы видим в XX веке? Оказывается, такая форма уже не устраивает мыслителей XX века. И философия находит новый язык, выливаясь в нефилософскую, точнее, нетрадиционно философскую форму. Например, в живопись. Это очень хорошо видно на примере Сальвадора Дали, Пабло Пикассо, супрематизма и многих других направлений авангардной живописи. Мы также видим это в музыке и кинематографе. Сначала кинематограф начинается как парад аттракционов, некое балаганное зрелище. Затем появляется звук, чуть позже – жанры. Что мы видим во второй половине XX века? Правильно, глубокие философские идеи, которые режиссёры, прежде всего европейские, выражают на образном языке кинематографа. И мы открываем для себя такое явление как Микеланджело Антониони, венец некоммуникабельности, который говорит об отчуждении людей друг с другом. Но он говорит об этом в образной форме. Мы открываем для себя кинематограф Ингмара Бергмана, шведского режиссера, который ставит очень сложные, вечные вопросы религиозного философского звучания. А еще есть ленты Андрея Тарковского, который, говорит о нравственной философии. Она сквозит буквально в каждом из семи фильмов, которые снял Андрей Арсеньевич. Можно говорить о музыке, театре и, конечно же, нужно говорить о литературе. О художественной литературе, которая, выражает философские идеи, но уже в нефилософской форме. И говоря об экзистенциализме, мы обязательно должны

подчеркнуть, что эта философия человеческого бытия, человеческих переживаний. И по форме, и по содержанию она является полной противоположностью классическому гегелевскому рационализму. Как точно подметил известный представитель американской философии Синдей Хук: «Экзистенциалисты – это разочарованные обожатели гегелевского Абсолюта». И тому немало примеров. Многие мыслители, в том числе Жан-Поль Сартр, были увлечены философией Гегеля. Тот же Кьеркегор начинал осмысливать философию Гегеля и пришел к совершенно другим выводам. Например, когда он говорил, что личность не систематизируема, что истина – это не то, что ты можешь знать. Это именно тот антигегелевский, антирациональный момент, который присутствует в философии экзистенциализма. Забегая немного вперед, скажу, что Альбер Камю очень ярко и выразительно сформулировал суть этой экзистенциальной программы. В одной из своих работ он написал: «Хочешь быть философом, пиши романы». Это то, о чем я и говорил выше: философ в двадцатом веке – это не только человек, который рационально пишет тексты, как это было в XIX, XVIII, XVII веках. Это человек, который пишет роман, создает музыку, снимает кино.

Главная работа Жана Поля Сартра называется «Бытие и ничто». Сартр в своей философии, хотя это и не всегда можно легко понять, сводит три понятия. Бытие в себе, Бытие для себя и Бытие для другого. Что такое бытие в себе? Это то, что и как называют вещь в себе. Это просто предмет, лишенный возможности. Это вещественная, материальная предметность. А что такое бытие для себя? Это уже сознание. Эта форма бытия связана с появлением человека. И она противоположна Бытию в себе – предмету, вещи или телу. А вот Бытие для другого – это, пожалуй, самое интересное. Это то, чем занимается Сартр, когда говорит о конфликтности человека. Когда он говорит о том, что я никогда себя не увижу, так как меня видит другой человек. Чтобы увидеть себя, я должен выпрыгнуть из себя. Мои представления, мой самообман в отношении того, что думает обо мне другой, как он ко мне относится, это может быть совершенной иллюзией. И вот в этой конфликтности, в этой драме человеческого бытия и бытия другого человека существует ограничение свободы и того, что другой человек посягает на мою свободу. Здесь следует очень важный и очень мощный для каждого человека вывод. Когда мы хотим, чтобы наш избранник был вот таким и таким, как мы его себе представляем, мы часто создаем себе образ и подгоняем под него другого человека, мы пытаемся ограничить его свободу. Другой человек, если мы признаем его как личность, и признаем его свободу, вовсе не должен соответствовать нашим ожиданиям. Если вы будете его подстраивать под себя, вы будете посягать на его свободу. Рано или поздно это закончится разрывом. Есть и еще более далеко идущие выводы из этих тем. Например, когда мы говорим о том, что самое важное в любви – это научиться любить, ничего не требуя взамен. Ведь как только возникает это ожидание, оно разрушает все наши отношения. Когда мы ловим себя на мысли «я сделала для него это, я сделала для него столько, а он бы хоть раз...» – всё, возникает неудовлетворенность и это означает, что отношениям пришёл конец. Это невероятно сложно, но и невероятно важно – научиться любить человека, ничего не требуя взамен. Даже несмотря на то, что в этом есть большой риск. Риск, что этот человек может забрать твою свободу. Риск того, что тобой начнут манипулировать. Увы, такое случается сплошь и рядом. Но другого пути нет. Здесь просто нужно верить своему сердцу – это единственное, что вас не подведет, но при этом надо иметь продвинутое сознание. Это именно то, к чему сводились все усилия человечества по Гегелю. Он утверждал, что если бы мы осознанно занимались развитием своего сознания, то не делали бы ошибок. Мы бы интуитивно принимали то, что является единственно правильным и верным. Но мы увлеклись.

Главная идея Жана Поля Сартра заключается в том, что суть экзистенциализма и понимание человеческого бытия состоит в том, что существование человека предшествует его сущности. Человек существует как открытый проект. Он не задан, не запрограммирован. Иначе мы все были бы роботами или зомби. То есть человек сначала существует, а потом уже определяется самим собой. Суть всех вариаций экзистенциализма состоит в том, что по этой философии человек выбирает самого себя. Он сам создает, открывает, формулирует и конституирует свою сущность. Но он существует как абсолютная, полная свобода. В своих мыслях Сартр подчеркивает, что человек – это дыра в недрах бытия. Возможно, это звучит немного пафосно и слишком откровенно, но тем не менее, человек – это ничто. Не в смысле того, что

человек – это ничтожество. Ни в коем случае! Человек – это ничто в том смысле, что ничего его не определяет. Это чистый лист. Это ничего. И он сам создает себя, свою собственную личность. Мы с вами уже формулировали похожую идею. Говорили, что это похоже на поток сознания. Сознание – это то, чего нельзя знать заранее. Открытый спонтанный процесс. Вот здесь что-то очень близкое. Идея, что человек – это ничто. Понятно, что прозрачный смысл такого определения выводит нас на идею свободы – главную тему всего экзистенциализма и философии Жана-поля Сартра о том, что человек обречен на свободу. Уже сама формулировка подчеркивает важность фундаментальности этой идеи. Ее неоспоримость в том, что человек не просто свободен. Человек жаждет свободы. Он хочет освободиться от всего и всех. Человек обречен на свободу. И он должен с этим что-то сделать.

Что же такое свобода? Существует миллион определений. Но один из наиболее интересных нюансов находит здесь Альбер Камю. Свобода – это бытие на основе выбора, считает он. Если я лишен выбора, если я не выбираю, я не свободен. Уже в этом свобода противоположна воле. Многие, кстати, путают свободу и волю. У меня есть воля делать что угодно, против кого угодно и так далее. Но это несвобода. Потому что, свобода предполагает ответственность, то, чего нет у воли. Ответственность возможна только тогда, когда я выбрал это. Если я не выбираю, если я исполнитель чьей-то воли, то я не несу ответственности за это. Помните, как в знаменитой сказке Шварца «Убить дракона» Ланцелот говорит жителям города «Что вы мне рассказываете чепуху всякую?». Они удивляются и говорят: «Нас так учили». И тогда он, будучи свободной, независимой личностью, говорит: «Всех учили. Но почему ты оказался первым учеником, скотина?». В данном случае идея – совершенно потрясающая: мы можем прятать свою ответственность и говорить, что нас заставили, мол, все пошли, и я пошёл, искать оправдания. Но если ты признаёшь себя личностью, ты должен отвечать за свои слова. И что еще важнее – за свои поступки. Сартр говорит именно об этом. Свобода предполагает выбор. Выбор автоматически влечет за собой ответственность. Но здесь возникает другая проблема – многие люди попросту не справляются с бременем ответственности. Помните, как там у Высоцкого «Дайте мне свободу, что с ней делать буду...».

Эрих Фром написал прекрасную работу «Бегство от свободы», в которой раскрыл механизмы бегства. Чтобы перенести с себя ответственность, человек порой прячется за авторитаризмом, конформизмом и тому подобным, вплоть до такой страшной вещи, как садомазохизм. Но это все лишь механизмы бегства от свободы. Так вот это порождает отчуждение человека от себя, от своего выбора. Он этот выбор предоставляет другому. И Сартр, будучи гуманистом, понимающим, что свободная личность – превыше всего, называет это по-французски «недобросовестность», или «недобрая совесть». Когда ты снимаешь с себя ответственность и переносишь ее на другого. Понимание свободы Сартром – это очень глубоко, сложно, но интересно.

Философия экзистенциализма понимает очень важную вещь – свобода и экзистенция говорят на парадоксальном языке. Но это противоречие и есть способ движения и постижения истины. В этом и заключается парадокс свободы, который звучит буквально так: чтобы стать свободным, я уже должен быть свободным. По сути, это противоречия внутренней и внешней свободы. Согласитесь, часто внешняя свобода сваливается на нас неожиданно. Но, не будучи готовым, не умея воспользоваться этой свободой, мы творим что попало, а это оборачивается трагедией. Чтобы стать свободным, нужно уже до этого априори быть внутренне готовым к этой свободе.

Самый известный афоризм Жана Поля Сартра прозвучал в его пьесе «За закрытыми дверями»: «Ад – это другие». В религии, как вы знаете, понятия рая и ада имеют самое разное толкование. По большей части это какие-то трансцендентные сферы. Очень хорошо на эту тему сказал Омар Хайям: «...заглянув в себя, я убедился во лжи, ад и рай не круги мироздания. Ад и рай – это две половинки души». То есть, ад и рай – внутри нас. Это амбивалентность человека. На что он способен в своих светлых порывах и своей низменной черноте. Но в данном случае Сартр имеет в виду и другую вещь. Он говорит о том, что это конфликт непреодолимого одиночества, которое есть между человеком и другими. Другими, которые, возможно, ограничивают свободу и с которыми нет и не будет никогда понимания и коммуникабельности. Потому что, каждый человек непоправимо одинок. Вот поэтому ад – это другие.

Ещё один представитель французского экзистенциализма – Альбер Камю, автор таких произведений, как «Падение», «Посторонний», «Чума» и нашумевшего эссе об абсурде «Миф о Сизифе». Главное понятие философии в экзистенциализме Альберта Камю – это понятие абсурда. Мир сам по себе не абсурден, говорит Камю, он просто неразумен. Там нет разума, нет сознания. Абсурд возникает из столкновения человека и мира, из противоречия и смысла утраты, невозможности тот смысл обрести. Вы и сами можете привести много примеров того, что является абсурдом в нашей жизни, того, чего не должно быть по своему определению. Простой пример – война. Таких войн было очень много в XX веке. Война, в которой нет ни победителей, ни побежденных. Это абсурд. Если вы возьмете Великую Отечественную войну, то там все предельно ясно. А война, в которой нет ни победителей, ни побежденных – вот абсурд. И, конечно, человеком абсурда по Камю, одним из проявлений его является Сизиф, герой известного мифа. Боги обрекли его носить огромный камень на вершину горы. Достигая вершины, он отпускает камень и тот скатывается вниз. И Сизиф снова идет за ним. Он обречен это делать. Он не может остановиться. Такова была воля богов. Но Камю делает очень интересный вывод из этого мифа. Он говорит о том, что мы должны наблюдать за Сизифом в тот момент, когда он спускается за камнем и представлять его счастливым. Потому что он обладает решимостью встретить всё уготованное ему лицом к лицу. А еще потому, что человек сильнее камня. Да, его обрекли на этот Сизифов труд. Но он выше этого, он с достоинством встречает свою участь.

Кстати, по Сартру, исходный пункт экзистенциализма – это положение Федора Михайловича Достоевского. Если Бога нет, то все дозволено. И вот здесь возникает очень много проблем, в том числе экзистенциальных выборов и переживаний, на которые способен человек. В данном случае мы говорим о том, что если Бога нет, то человек способен приступить черту, совершить убийство. А убийство исчерпывает его жизнь. Если взять не просто убийство, а самоубийство, то это уже становится основным вопросом философии по Альберу Камю. Вопрос, стоит ли жить, стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой – основной вопрос его философии. С одной стороны, если ответ «нет», то это самоубийство. Но если ответ «да», то это не просто. Ведь тогда я живу дальше, по инерции и в этом нет экзистенциального выбора. И все же Альберт Камю утвердительно говорит «да». Он называет это понятие бунт. Бунт не тот, когда ты кого-то поднимаешь на баррикады, куда-то зовёшь. Бунт – это прозрачность мира, которая ставит его под вопрос. И в каждый момент своего бытия ты задаешься вопросом «Если в этом смысл? Достойно ли это моего существования?». Это внутренний, духовной бунт.

И еще один момент, на который я бы хотел обратить ваше внимание. Это определённая загадка, тайна, которую многие люди так и не узнают. Камю говорит, что до тех пор, пока человек не знает, может ли он убить или дать согласие на убийство, он не знает о себе ничего. В истории культуры, литературы, кинематографа есть масса тому примеров. Когда ситуация ставит человека перед выбором, когда ему нужно уничтожить другого человека, он постигает очень многое в себе самом.

И, наконец, последняя деталь, на мой взгляд, очень интересная и важная. То, как Камю определяет свободу. Мы говорили выше, что свобода бытия даётся на основе выбора. Согласно классической философии, это осознанная необходимость. Камю пишет: «Свобода – это право человека не лгать. Если человек идёт на обман, если он занимается самообманом, что бывает сплошь и рядом, он не свободен». Есть причины обмана, есть причины самообмана. Но в данном случае это всё причины или факторы нашей несвободы. Человек, который лишён возможности вступать в сферу, которая называется ложь и обман, свободен. Я бы мог очень долго говорить на тему французского экзистенциализма, но думаю, вы сами в состоянии найти ещё много интересного в этом философском наследии.